

На правах рукописи

Рыгалина Мария Гамлетовна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
РУССКИХ ФАМИЛИЙ КОНЦА XVIII В.
(НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Кемерово 2013

Работа выполнена на кафедре общего и исторического языкознания федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Алтайский государственный университет».

Научный руководитель: **Шелепова Людмила Ивановна**,
доктор филологических наук, профессор (Алтайский государственный университет, профессор кафедры общего и исторического языкознания)

Официальные оппоненты: **Рут Мария Эдуардовна**,
доктор филологических наук, профессор (Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания)

Старикова Галина Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент (Национальный исследовательский Томский государственный университет, доцент кафедры русского языка)

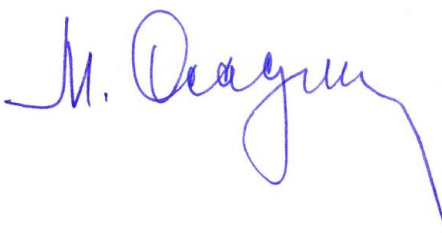
Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Защита состоится 18 октября 2013 года с 14.00 на заседании диссертационного совета Д212.088.01 в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» по адресу: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Кемеровского государственного университета.

Автореферат разослан 17 сентября 2013 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М. А. Осадчий

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена изучению русских фамилий конца XVIII в. в лингвокультурологическом аспекте (на материале официально-деловой письменности Колывано-Воскресенского горного округа).

Актуальность исследования обусловлена:

1) возросшим лингвистическим интересом к региональным языковым фактам, на фоне которого под пристальным взглядом ученых в последние годы оказались антропонимы большей части российских территорий (В.Ф. Житников, Л.А. Захарова, И.А. Королева, О.А. Любимова, Н.Н. Парфенова, Е.Н. Полякова, Ю.И. Чайкина и др.);

2) необходимостью поиска новых методов интерпретации материала в связи с общедисциплинарным смещением исследовательского взгляда с описания языковых фактов на их объяснение. В современной отечественной лингвистике наряду с использованием традиционного структурно-описательного подхода к анализу фамилий, который имеет подробно разработанные теоретико-методологические основы, заложенные в XX в. В.А. Никоновым, А.М. Селищевым, А.В. Суперанской, В.К. Чичаговым и др., предпринимаются попытки изучения антропонимов в русле антропоцентрического языкознания (И.А. Кюршунова, Л.В. Окунева, М.Э. Рут и др.).

Объектом работы являются русские фамилии жителей Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в. **Предметом исследования** является лингвокультурная информация, отраженная в основах рассматриваемых фамилий.

Цель работы – лингвокультурологическое исследование русских фамилий, которое заключается в реконструкции фрагментов русской языковой картины мира и выявлении возможных причин, обуславливающих привлечение тех или иных семантических сфер в антропонимическую номинацию.

Для достижения цели в работе решаются следующие **задачи**.

1. Изложить теоретические и методологические основы лингвокультурологического исследования фамилий.

2. Уточнить особенности этимологического анализа антропонимов и с помощью этимологического анализа с учетом его основных критериев выявить семантику основ исследуемых фамилий.

3. Осуществить семантическую рубрикацию фамилий по семантико-мотивационному признаку их основ и реконструировать семантическое поле русских фамилий.

4. Описать на основе данного семантического поля фрагменты русской языковой картины мира и выявить гипотетические причины использования определенного набора семантических сфер в антропонимической номинации.

5. Разработать принципы «Лингвокультурологического словаря русских фамилий...» как сферы приложения результатов лингвокультурологического исследования фамилий.

Для реализации поставленных задач в работе используются следующие **методы и приемы**: описательный метод с его основными приемами наблюдения, обобщения и классификации материала, метод этимологического анализа, полевой метод, прием семантической рубрикации, статистический прием, метод лингвокультурологического комментария, приемы лексикографического описания антропонимов.

Эмпирическая база исследования. В качестве источников эмпирической базы исследования избраны памятники региональной официально-деловой письменности, находящиеся в Центральном хранилище архивных фондов Алтайского края (169-й фонд, 1-я опись). Рассматриваемые документы представляют собой именные списки, созданные в результате переписей населения 8 верхне-обских слобод Барнаульского и Бийского уездов Колывано-Воскресенского горного округа по 4-й и 5-й ревизиям 1782 и 1795–1796 гг. соответственно.

Картотека, составленная путем сплошной выборки употреблений фамилий в документах официально-деловой письменности Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в., включает около 19000 единиц. Количество разноосновных фамилий, рассматриваемых в исследовании, составляет более 1500 единиц.

Лексикографическая база исследования. Для установления семантики фамильной основы главными источниками являлись: «Словарь русского языка XI–

XVII вв.» (СРЯ XI–XVII вв.), «Словарь русских народных говоров» (СРНГ), «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, а также словари русских фамилий, календарных и некалендарных личных имен и материалы к ним. В качестве источников для лингвокультурологического комментирования фамильных основ послужили материалы словарей, энциклопедий и монографических трудов по истории России, русского быта и нравов, по славянской мифологии.

Научная новизна работы состоит в следующем. Впервые русские фамилии жителей верхне-обских слобод Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в. стали объектом лингвистического исследования. В диссертации пересмотрены и скорректированы многие принятые в отечественной антропонимике гипотезы происхождения русских фамилий, а также предложены этимологические решения для ранее не исследуемых. Для выявления историко-культурного потенциала русских фамилий применяются метод моделирования семантического поля как диапазона семантических мотивационных моделей и метод лингвокультурологического комментирования, позволяющие реконструировать фрагменты русской языковой картины мира, выявить возможные причины использования определенных семантических сфер в антропонимии. В исследовании разрабатываются принципы организации «Лингвокультурологического словаря русских фамилий...», основанные на методах извлечения из фамильных основ культурной информации и представления ее в словаре.

Теоретическая значимость диссертационной работы определяется ее вкладом в научное осмысление категории «русская фамилия», в разработку теоретико-методологических основ лингвокультурологических исследований антропонимии. Выводы, сделанные на разных этапах исследования, дополняют сложившиеся приемы этимологического анализа антропонимов и основания лексикографического описания фамилий.

Практическая значимость исследования состоит в том, что предложенный в нем способ экспликации лингвокультурной информации на материале русских фамилий отдельного региона может быть использован для реконструкции фрагментов языковой картины мира, отраженной в антропонимах других территорий. Разра-

ботанные принципы «Лингвокультурологического словаря русских фамилий жителей Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в.» можно задействовать в создании словарей подобного типа иных регионов страны и исторических периодов. Выводы, полученные в результате исследования фамилий, могут использоваться при разработке общих и специальных курсов по русской ономастике, этимологии, лингвокультурологии, исторической и диалектной лексикологии. Региональный антропонимический материал, введенный в научный оборот и пополнивший общенациональный ономастический фонд, полностью или фрагментарно может быть включен в ономастические исследования в других аспектах.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены на X Межвузовской научно-практической конференции «Художественный текст: варианты интерпретации» (Бийск, 16–17 мая 2005 г.); на Всероссийской научной конференции с международным участием «Антропоцентрическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии» (Стерлитамак, 14 октября 2005 г.); на Региональной конференции студентов-филологов в Горно-Алтайском государственном университете (Горно-Алтайск, 27–29 апреля 2006 г.); на III Региональной научной конференции с международным участием «Алтайский текст в русской культуре» (Барнаул, 4–6 мая 2006 г.); на Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной памяти проф. И.А. Воробьевой «Язык, литература и культура в региональном пространстве» (Барнаул, 3–7 октября 2007 г.; 6–9 октября 2010 г.); на Международной научно-практической конференции «Филология и культура в межрегиональном пространстве» (15–17 мая 2013 г.); на II Международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.); на IV Международной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии» (Москва, 27–28 октября 2012 г.); а также на научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов, проводимой в рамках Дней молодежной науки в Алтайском государственном университете и Алтайской государственной педагогической академии (бывш. Барнаульском государственном педагогическом

университете) (Барнаул, апрель 2004, 2006, 2007, 2010, 2011, 2012 гг.). Диссертация обсуждена на кафедре общего и исторического языкознания (май 2013 г.).

Результаты исследования отражены в 13 научных публикациях автора общим объемом 3,3 п.л., в том числе в двух статьях в изданиях, включенных в реестр ВАК Минобрнауки РФ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Особенность фамилий жителей Колывано-Воскресенского горного округа состоит во вторичности их оформления и бытования по отношению к фамильным антропонимиконам территорий, исконно заселенных русскими людьми. Рассматриваемые фамилии являются репрезентантами общерусской антропонимической системы конца XVIII в. и той историко-культурной информации, которую она отражает.

2. К изучению лингвокультурологического потенциала русских фамилий применим метод моделирования семантического поля в мотивационном аспекте. Мотивационным признаком является общая для всех антропонимов информация о человеке, мотивирующей базой – разнообразная лексика, описывающая образ человека в различных его ипостасях и окружающий его мир.

3. Последовательное применение в семантической реконструкции фамильных основ «антропоцентрического» критерия этимологической вероятности помогает приблизиться к наиболее объективной структуре образа действительности, отраженного в фамильном антропонимиконе региона.

4. Значимость того или иного понятия или образа, репрезентируемых семантическими мотивационными моделями, устанавливается исходя из их лексической проработанности. Причинами предпочтения лексики тех или иных семантических сфер в номинации человека являются мотивы, обусловленные материальной и духовной культурой народа.

5. Разработка принципов организации словаря русских фамилий подчиняется идее лексикографического описания их лингвокультурологической информативности. Наиболее отчетливо она прослеживается на уровне микроструктуры словаря,

включающей историко-региональный, этимологический и лингвокультурологический блоки информации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка условных сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы; определяются объект, предмет, цель и задачи исследования; описываются методы и приемы изучения материала; объясняется выбор источников эмпирической базы работы; раскрывается лексикографическая база исследования; формулируются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; приводятся сведения об апробации работы; излагаются положения, выносимые на защиту; описывается структура работы.

В первой главе **«Теоретические основы и методы лингвокультурологического исследования русских фамилий жителей Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в.»** представлен категориальный аппарат и базовые методы лингвокультурологического исследования фамилий.

Параграф **1.1** посвящен обоснованию антропонимического статуса объекта исследования. Основной дифференцирующей функцией фамилии как категории признается ее официальный наследственный статус, приобретение которого на первых этапах формирования могло быть обусловлено фиксацией антропонима в государственных актах (И.А. Королева, 1999). В связи с этим решение вопроса об антропонимическом статусе объекта исследования представляется в известной степени очевидным, и можно предположить, что процесс «офамиливания» для большинства ранних поселенцев Верхнего Приобья хронологически совпадал с его освоением в XVIII в. Региональный характер фамилий жителей Колывано-Воскресенского горного округа устанавливается в связи с их формальной закрепленностью за данным регионом в памятниках его официально-деловой письменности. Сопоставление данных фамилий с антропонимами, отраженными в документах регионов исконного за-

селения русскими, свидетельствует о преимущественной вторичности первых, в связи с чем они могут считаться репрезентантами общерусской антропонимической системы конца XVIII в., а также транслируемой ею лингвокультурной информации.

В параграфе **1.2** описывается лингвокультурологическое направление антропоцентрического языкознания, в русле которого выполнено настоящее исследование. По отношению к смежным отраслям современной лингвистики лингвокультурология, вслед за А.Т. Хроленко, рассматривается в работе как общий теоретико-методологический принцип выявления механизмов взаимодействия языка и культуры, обусловленных феноменом человека. Базовой категорией исследования избирается понятие языковой картины мира. Под языковой картиной мира подразумевается выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение человека, его материальной и духовной жизнедеятельности, пространства, времени, живой и неживой природы, области созданных человеком мифов и социума (Н.Ю. Шведова, 1999).

В параграфе **1.3** рассматриваются распространенные в отечественной лингвистике способы выявления историко-культурной информации, транслируемой посредством фамилий. Многообразие этих способов связано с тем, что в экспликации лингвокультурного потенциала фамилий могут участвовать ассоциативный фон фамилии, исторический контекст ее бытования, внутренняя форма антропонима. Одним из наиболее востребованных в настоящее время способов лингвокультурологической интерпретации фамилий является семантический анализ их основ (И.М. Ганжина, И.А. Кюршунова, Л.В. Окунева и др.). При этом в соответствии с современным взглядом на лексическое значение слова как многоуровневую структуру представляется, что обнаружение лингвокультурной специфики фамильных основ может осуществляться с опорой как на формально выраженные составляющие семантики слов, к которым восходят фамилии (денотат, лексическую коннотацию), так и на компоненты, не получившие отражения в языке (культурную коннотацию) (Н.И. Толстой, С.М. Толстая, 1993).

В параграфе **1.4** обосновывается эффективность метода построения семантического поля для изучения лингвокультурного потенциала русских фамилий и опи-

сываются принципы моделирования фрагментов языковой картины мира на основе поля. Выбор полевого метода обусловлен тем фактом, что для реконструкции языковой картины мира требуется «выход в макросемантику, оперирующую большими, чем семантика одного слова, пространствами смыслов – семантическими полями»¹. Для изучения фамилий, характеризующихся ярко выраженной семантической мотивированностью, целесообразным представляется рассмотрение поля с точки зрения отношений семантической производности между словами, его составляющими. Возможность объединять лексику по семантическим мотивационным признакам обусловлена фактом системности, повторяемости и регулярности отношений производности в языке, которые проявляются в существовании мотивационных моделей (С.М. Толстая, 2002). Мотивационные модели понимаются в данном случае как схемы номинации объекта действительности, специфика набора, продуктивность и содержание которых являются важнейшими свойствами семантического поля и обуславливаются, в том числе, внеязыковыми мотивами.

В качестве общего мотивационного признака, вокруг которого организуется реконструируемое семантическое поле, представляется правомерным рассматривать базовую информацию, объединяющую пространство антропонимии, – информацию о человеке. В соответствии с этим моделирование поля на основе фамилий в самом общем виде представляет собой воссоздание типологии мотивационных сфер, использовавшихся для номинации человека, и интерпретацию данных сфер с точки зрения возможных причин их включения в антропонимию.

Основным принципом структурирования семантического поля выступает принцип номинативной плотности (В.И. Карасик, 2002), позволяющий установить его ядерную и периферийную зоны и, как следствие, ценностную значимость того или иного содержательного фрагмента поля. Данный принцип опирается на общепринятый тезис антропоцентрической лингвистики о том, что «чем важнее в культурном отношении понятие, тем больше и детальнее оно параметризовано»².

¹ Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007. С. 21.

² Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 45.

Чтобы стать ценным источником лингвокультурной информации, установлению продуктивности мотивационных признаков фамильных основ должна сопутствовать интерпретация их содержания и иерархической структуры. Для этого необходимо обращение к экстралингвистическим данным. К основным мотивам регулярности моделей могут быть отнесены, в первую очередь, внешние причины, соотносимые с актуальным информационным пространством языковой общности – географическим и социальным контекстом народной жизни, этическими и эстетическими нормами этнического коллектива. Значимыми для объяснения продуктивности определенных семантических сфер в номинации человека являются также внутренние причины соотношения человека с тем или иным понятием или образом, которые берут свои корни в мифопоэтической народной традиции, установившей глубинные связи между именем, имянаречением и мифом (Н.И. Толстой, В.Н. Топоров).

В параграфе 1.5 раскрывается специфика этимологического анализа русских фамилий. Его значение как метода лингвокультурологического исследования фамилий основано на принятой в современном языкознании трактовке внутренней формы слова как выражения национальной специфики языка, определенного видения мира, свойственного тому или иному народу. Основополагающий характер этимологического анализа для ономастики обусловлен также дискуссионным вопросом о лексическом значении рассматриваемого разряда имен, которое, по одной из традиций, устанавливается посредством этимологической реконструкции.

Одна из особенных черт этимологического анализа русских фамилий, являющихся «знаками вторичной номинации» (В.Н. Телия), состоит в том, что их этимологизирование представляет собой последовательное снятие исторических слоев. Для реконструкции семантического поля в мотивационном аспекте и моделирования на его основе фрагментов языковой картины мира наиболее значимым этапом этимологического анализа фамилий является установление семантики апеллятивов, к которым восходят многие из них.

Очевидные сложности семантической реконструкции фамильной основы проистекают из ее деэтимологизации – разрыва связей между мотивирующим и мотиви-

вированным словом, который происходит под влиянием различных языковых и внеязыковых факторов. Для восстановления этих связей в исследовании применяются фонетический, словообразовательный, семантический, «хронологический», «антропоцентрический» критерии оценки этимологических решений.

Так, обращение к тому факту, что русскому языку эпохи активного формирования фамилий была свойственна неустойчивость узуальной фонетико-орфографической нормы, фиксирующей особенности живой разговорной речи, в том числе и диалектного характера, которые могли отразиться в фамильных основах, позволяет реконструировать фонетический облик основы фамилии *Пченской*. Ее деэтимологизация обусловлена фонетическими изменениями регулярного и нерегулярного характера в области консонантизма – «чоканьем», лексикализированным фонетическим явлением – неразличением *м* и *п* (О.Д. Кузнецова, 1985). Наличие вариативной фамилии *Мченской* и отраженного в говорах катойконима *амченец* – «житель г. Мценска» (Курск.) (СРНГ, 1, с. 253) подтверждают достоверность этимологической реконструкции: *Пченской* ← *Мченской* ← **Мценской*³ ← *Мценск*.

Учет активных словообразовательных моделей в номинации лица периода, предшествующего эпохи становления русской антропонимической системы, и привлечение данных русских диалектов, характеризующихся способностью удерживать архаические явления (Л.И. Шелепова, 1994), позволяет осуществить семантическую реконструкцию фамилии *Уледников*. Вероятно, она восходит к наименованию лица по его занятию: **уледник* – «мастер, изготавливающий уледи», ср. *уледи* – «грубая кожаная обувь» (Перм., Волог., Арх.) (Даль 2002, 2, с. 602), поскольку в данный период с помощью суффикса *-ник* и основ неличных существительных наиболее часто образовывались номинации ремесленников (Ю.С. Азарх, 1984).

Довольно часто в фамильной основе находят место факты языковой омонимии или / и полисемии, в связи с чем она может восходить к каждому из возможных значений апеллятива.

Важным критерием отбора наиболее вероятностных этимологических решений является «хронологический» принцип этимологического анализа, заключаю-

³ Звездочкой отмечаются реконструированные формы.

щийся в учете конкретно-исторических условий появления слова. Так, обращение к сведениям о времени знакомства российского населения с картофелем, относимого к середине XVIII в., вынуждает отказаться от возведения Ю.И. Чайкиной фамилии *Карташов*, отраженной в вологодских памятниках письменности в 1650 г. (С.Б. Веселовский указывает на еще более ранние даты ее фиксации – 1549 и 1565 гг.), к диалектному слову *карташи* – «картофель» (Олон.).

Однако главным критерием ограничения круга возможных этимологий фамилий для антропонимии может считаться «антропоцентрический» принцип отбора этимологических гипотез. Он основан на мысли о том, что поскольку антропонимическая система языка транслирует, в первую очередь, информацию о человеке, то в качестве наиболее вероятностных решений в этимологизации фамильных основ будут выступать апеллятивы, значения которых включают сему «человек» (Е.С. Еремина, 2005). Ср., например, фамилию *Малинин* от *малина* – «малорослый человек» (Пск.) (СРНГ, 17, с. 327), а не от *малина* – «малина (ягода)».

Вторая глава «**Лингвокультурологический анализ русских фамилий жителей Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в.**» посвящена воссозданию семантико-мотивационной структуры семантического поля «Человек» на материале антропонимов региона и реконструкции на ее основе фрагментов русской языковой картины мира. Основными единицами мотивационной структуры рассматриваемого поля являются мотивационные модели, группирующие фамильные основы с точки зрения общности семантики их мотивирующей базы. В качестве минимальной единицы мотивационной модели, в связи с учетом полиэтимологичности русских фамилий, принята фамилия в каждой из ее возможных этимологий. Модели, близкие по семантическим признакам, объединяются в семантические сферы. С помощью количественного критерия установлено, что фамильные основы, различающиеся с точки зрения характера мотивационных отношений, распределяются неравномерно. Модели, объединяющие фамилии с основами, представляющими собой номинации со значением лица, его характеристики по тому или иному признаку, образуют центральную зону. Модели, группирующие фамилии, восходящие к лексике с различным предметным значением и представляющие собой заимствованные лич-

ные имена – периферийные зоны. В соответствии с этим описание семантико-мотивационной структуры поля представлено как последовательная реконструкция его центральной и периферийных областей.

В параграфе 2.1 описана центральная зона семантико-мотивационной структуры семантического поля «Человек». Она включает следующие семантические сферы: «Человек с точки зрения его психологических свойств и поведенческих особенностей», «Человек с точки зрения его характеристик по внешнему виду и физиологическим особенностям», «Человек в связи с его принадлежностью к сфере деятельности и сословной характеристикой», «Человек в связи с его географической закрепленностью», «Человек в контексте его семейно-родственных отношений». Данные сферы охватывают подавляющее большинство единиц анализа (1110 ед.). Внутренняя структура сфер, обусловленная продуктивностью входящих в них моделей, позволяет раскрыть образ русского человека в различных аспектах его личностного и общественного бытия. Распространенность фамилий, основы которых восходят к номинациям человека по тому или иному признаку, обуславливается преимущественно спецификой материальных, социальных, культурных условий жизни.

Например, перечень и интерпретация высокопродуктивных моделей, входящих в семантическую сферу «Человек с точки зрения его психологических свойств и поведенческих особенностей», предоставляет информацию о том, какие пороки были наиболее распространены в русском обществе эпохи формирования фамилий. Среди них по данным фамилий «более свойственными» русским людям и вызывающими эмоциональную оценку номинатора являлись склонность к хулиганству, праздность, суетливость, медлительность, а также ряд коммуникативно-речевых особенностей, таких как: склонность к пустословию, бранчивость, дефектность речи, лживость. Ср. мотивационные модели:

- **«Проказник, задира, неугомонный, драчливый смутьян» (71 ед.):** *Базунов* от *базун* – «драчливый шатун, своевольник» (Волог.) (Даль 2002, 1, с. 79); *Задорин* от *задора* – «задира, забияка» (Арх., Сев.-Двин., Волог., Перм., Курск. и др.) (СРНГ, 10, с. 63);

- **«Лентяй, бездельник, гуляка, ветреный, праздный шатун» (45 ед.):** *Забродин* от *заброда* – «о том, кто ходит, болтается без дела, без цели; шатун» (Терск., Моск., Волог., Арх., Олон.) (Там же, 9, с. 275); *Легостаев* от *легостай* – «лодырь, лентяй» (Нижегор., Горьк., Влад., Моск., Твер. и др.) (Там же, 16, с. 315);

- **«Говорливый человек, краснобай, болтун, пустомеля» (45 ед.):** *Пустобаев* от **пустобай*, ср. *пустобайка* – «пустомеля, болтунья» (Костром., Перм.) (Там же, 33, с. 143); *Тараторин* от *таратора* – «болтун, говорун» (Даль, 2, с. 762);

- **«Непоседливый, суетливый, бойкий, проворный человек» (38 ед.):** *Бастрыгин* от *бастрыга* – «торопыга, оструха, бойкий, резкий, решительный человек» (Новг., Твер., Влад.) (Даль 2002, 1, с. 92); *Ергин* от *ерга* – «непоседа, егоза» (Вят.) (СРНГ, 8, с. 366);

- **«Крикливый, сварливый человек, склочник, ругатель, сквернослов» (35 ед.):** *Базин* от *база* – «крикунья, горластая женщина» (Арх.) (Там же, 2, с. 47); *Ерыкалов* от *ерыкало* – «сквернослов» (Пск.); «крикун, задира» (Волог.) (Там же, 9, с. 37);

- **«Неловкий, медлительный человек, разиня, зевака» (33 ед.):** *Завьялов* от *завьяла* – «вялый, медлительный человек» (Влад., Нижегор.) (Там же, 9, с. 348); *Сапегин* от *сапега* – «растяпа, увалень» (Урал.) (Там же, 36, с. 124);

- **«Человек с речевыми особенностями» (22 ед.):** *Заиков* от *заико*, *заика* – «кто заикается, говорит заикаясь» (Даль 2002, 1, с. 523); *Шепелин* от **шепеля*, ср. *шепелять* – «шепелявить, произносить з, с, ц, вместо ж, ш, ч и наоборот» (Там же, 2, с. 962);

- **«Лжец, сплетник, клеветник, хвастун» (20 ед.):** *Аболтин* от **аболта*, ср. *оболтать* – «оклеветать, оговорить кого-либо» (Пск., Твер., Пенз.) (СРНГ, 21, с. 343); *Самохвалов* от *самохвал* – «тот, кто сам себя хвалит, прославляет» (СРЯ XI–XVII вв., 23, с. 52).

Психологический образ человека, репрезентированный данными моделями, отличается отсутствием в поведении человека созидательных намерений, превышением коммуникативных норм, двигательной неустойчивостью. Реконструкция эталона русской нравственности на основе полученного «негативного изображения»

осуществляется путем его «проявления», в результате которого получаем идеал человека, существовавший в русском обществе периода его массового «офамиливания». Данный образ характеризуется конструктивными поведенческими установками, склонностью к интровертному типу коммуникации, двигательной стабильностью. Он стереотипизирован для традиционной русской культуры и регулярно воспроизводим в национальном сознании.

Анализ структуры и содержания семантической сферы «Человек с точки зрения его характеристик по внешнему виду и физиологическим особенностям» позволяет воссоздать главный принцип, положенный в основу эстетических предпочтений русского народа эпохи формирования его фамилий. Сфера «Человек в связи с его принадлежностью к сфере деятельности и сословной характеристикой» отражает основные черты социальной структуры Российского государства. Сфера «Человек в связи с его географической закрепленностью» репрезентирует специфику и масштаб внутренних миграционных перемещений российского населения; сфера «Человек в контексте его семейно-родственных отношений» – особенности внутрисемейного уклада общества.

В параграфе 2.2 описана периферийная зона (1) семантико-мотивационной структуры семантического поля «Человек». Она объединяет 430 единиц анализа и представлена моделями, включающими фамилии, основы которых с точки зрения их лексико-семантического воплощения являются, с одной стороны, продуктами материальной и духовной жизнедеятельности человека, с другой – природными объектами окружающего мира. Общие принципы выбора образов тех или иных реалий и фиксация их названий в основах русских фамилий преимущественно подчинены прагматическому взгляду номинатора, внимание которого сосредотачивалось на наиболее важных и, разумеется, близких с его точки зрения объектах. Поэтому высокопродуктивными моделями здесь представлены объекты, необходимые для удовлетворения первичных потребностей индивида и составляющие фон повседневной жизни русского человека: продукты питания, сельскохозяйственные и дикие животные, одежда, предметы домашней утвари, растения. Кроме неоспоримой практической значимости данных объектов, использование их названий в антропо-

нимической номинации может быть связано с мифопоэтическими значениями, приписываемыми им в народной традиции.

Так, например, модель «**Продукты питания**» (34 ед.), включенная в семантическую сферу «Мир культурных реалий» и отличающаяся высокой регулярностью, репрезентирует, в первую очередь, гастрономические предпочтения русских людей. Как замечает Н.И. Костомаров, кушанья русского стола делились на «мучнистые, молочные, мясные, рыбные и растительные»⁴. Однако в основах анализируемых фамилий наиболее активно проработан фрагмент, объединяющий фамилии, образованные от названий блюд, изготавливаемых на основе муки. Ср., например, фамилии, восходящие к наименованиям:

- каш и киселей: *Густокашин* от *густая каша* – «ржаная или ячменная мука, размешанная в кипятке» (Арх.) (СРНГ, 7, с. 160); *Саламатов* от *саламат* – «кисель или жидкая каша из муки» (Кемер., Том. и др.) (Там же, 36, с. 56–58);

- хлебопекарных изделий: *Калачев* от *калач* – «круглый белый хлеб вообще, а также пшеничный хлебец, выпеченный в форме замка с дужкой» (СРЯ XI–XVII вв., 7, с. 34); *Кулебакин* от *кулебака* – «печеное изделие из теста, пирог с начинкой» (Там же, 8, с. 114);

- похлебок и окрошек: *Баландин* от *баланда* – «род ботвиньи, холодец из заквашенного на муке отвара свекольной и иной ботвы, с окрошкой» (Ряз., Тамб., Симб.) (Даль 2002, 1, с. 83); *Лапшин* от *лапша* – «искрошенное рубезками тесто в похлебку; вермишель» (Там же, 1, с. 812);

- теста: *Квашинин* от *квашня* – «тесто, опара» (Мурм., Новг., Пск., Ворон., Курск.) (СРНГ, 13, с. 164); *Опарин* от *опара* – «кислое тесто» (Ворон., Курск., Тул., Яросл., Горьк. и др.) (Там же, 23, с. 236).

Широкое использование названий мучных блюд в антропонимической номинации обосновывается, в первую очередь, их объективной распространенностью в русской национальной кухне. Хотя активному привлечению названий блюд из муки к русской антропонимической номинации могла сопутствовать и высокая культурная значимость данных продуктов у славян. Поскольку все этапы производства и

⁴ Костомаров Н.И. Русские нравы : Исторические монографии и исследования. М., 1995. С. 70.

использования муки как символа богатства и плодородия, предмета, который «принадлежит одновременно к сфере природы (делается из зерна) и к сфере культуры (проходит долгую обработку, превращаясь в хлеб)», считались магическими действиями продуцирующего или защитного характера⁵, названия продуктов и блюд, приготовленных на основе муки, могли использоваться в качестве оберега. Кроме того, для антропонимической номинации могло быть значимо понимание муки как первоэлемента, из которого сотворен человек: культурная метафора «хлеб – человек» проявляется «в народном представлении о замешивании, подъеме теста и печении хлеба как о зачатии и рождении ребенка. Ср. рус. «Муж с женой, что мука с водой»⁶. Примечательно в связи с этим использование переносных значений непеченных блюд из муки, которые также могли стать основой для антропонимической номинации, в контексте их осмысления как человека «недоделанного», плохого. Ср., например: *квашня* – «изнеженный, избалованный ребенок, плакса» (Орл., Ворон.); «простак, несообразительный человек» (Вят.) (СРНГ, 13, с. 164); *опара* – «о неповоротливом, глуповатом человеке» (Сев.-Двин.) (Там же, 23, с. 235–236); *саламата* – «о несобранном, расхлябанном человеке» (Дон.) (Там же, 36, с. 56–58).

В параграфе 2.3 описывается периферийная зона (2) семантико-мотивационной структуры семантического поля «Человек», включающая фамилии, основы которых представляют личные имена русского человека. Поскольку все русские фамильные основы представляют собой личные именованья человека, выступающие в качестве календарных, некалендарных имен и прозвищ, в ней учитываются фамилии, восходящие к заимствованным личным именам – календарным, а также восточным по происхождению. Образованные от синхронно не мотивированных для русского языкового сознания слов, выступающих в номинативно-отождествительной функции, данные фамилии являлись репрезентантами особого явления языка и культуры – личного имени. Данный фрагмент семантического поля представлен 329 единицами анализа и образован моделями, выделяемыми на основе

⁵ Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н.И. Толстого. – М., 2004. Т. 3. С. 330.

⁶ Там же. С. 335.

происхождения и сферы функционирования основ входящих в них фамилий и характеризующимися специфической лингвокультурной информативностью.

Так, модель «**Календарное имя**» (307 ед.) отражает православный ономастикон, содержащийся в святцах, являющийся единственным источником официальных именовании на Руси после ее крещения. Ср. фамилии: *Алпатов* от *Алпат* – к *Евпатий* (Н.А. Петровский, 1984); *Маношкин* от *Маношка* – к *Иммануил* (Там же). Помимо функций, общих для всех разновидностей личных имен, официальное именование индивида выполняет функцию включения именуемого в социальную структуру. Православный ономастикон выражал и распространял систему ценностей, соответствующую официальной догме, в данном случае – православия. Человек, родившийся в день памяти того или иного святого и названный его именем, тем самым оказывался погруженным в православную культуру.

Третья глава «**Лингвокультурологическое описание русских фамилий жителей Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в.**» посвящена лексикографированию русских фамилий Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в. в лингвокультурологическом аспекте.

Параграф 3.1 представляет собой краткий экскурс в историю отечественного лексикографирования имен собственных. Она начинается одновременно с историей лексикографирования имен нарицательных в XIII–XV вв., когда создаются первые глоссарии имен библейских персонажей. Попытки лексикографирования исконной славянской антропонимии появляются в середине XIX – начале XX в. (М.Я. Морозкин, Н.М. Тупиков). История создания словарей русских фамилий и материалов к ним берет свое начало лишь с 60–70-х гг. XX в. и связана с именами С.И. Зинина, В.А. Никонова, О.Н. Трубочева и др. исследователей, заложивших традиции лексикографического описания данного вида антропонимов. Однако уже к концу XX в. начинает остро ощущаться кризис в области лексикографирования фамилий, обусловленный укоренившимся в отечественной практике создания ономастических словарей дилетантским взглядом на серьезную научную проблему.

В параграфе 3.2 описывается опыт научных разработок словарей региональных русских фамилий различных исторических периодов в отечественной онома-

стике последних десятилетий. Их активность связана с поиском способов разрушения традиции составления популярных словарей русских фамилий и необходимостью включения в исследовательский оборот антропонимики свежего фактического материала. Так, за последние двадцать лет в свет вышли более десятка лексикографических работ, в центре внимания которых оказались региональные русские фамилии и фамилеобразующие основы (М.А. Короткевич, И.А. Кюршунова, Н.Н. Парфенова, Е.Н. Полякова, Ю.И. Чайкина и др.). Макро- и микроструктура современных словарей региональных фамилий преимущественно базируется на принципах лексикографирования фамилий, разработанных в XX в.

В параграфе **3.3** рассматривается лингвокультурологическое направление современной лексикографии. Результатом данного направления являются «словари, в которых сочетаются лингвистические сведения с информацией об обозначаемых языковыми единицами культурных реалиях, а также фиксируются вербализованные представления, образы, ассоциативные связи, существующие в сознании носителей русского языка»⁷. Актуальность лингвокультурологического аспекта лексикографирования русских фамилий обусловлена повышенным вниманием современного языкознания к лингвокультурологическому аспекту исследования языковых явлений в целом, а также поиском способов представления историко-культурной информации, транслируемой посредством русских фамилий, в словаре.

В параграфе **3.4** описываются принципы организации «Лингвокультурологического словаря русских фамилий жителей Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в.». Словарь представляет собой комплексное лексикографическое произведение, основными задачами которого являются: представление полного списка фамилий верхне-обских слобод Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в.; установление степени уникальности рассматриваемых фамилий; приведение гипотез происхождения фамильных основ; описание лингвокультурного потенциала основ описываемых фамилий.

⁷ Лукьянова Н.А. Лингвокультурология в системе современной российской лексикографии (90-е гг. XX – начало XXI в.) // *Техне grammatike* (Искусство грамматики). Новосибирск, 2006. Вып. 2. С. 306.

В соответствии с типом проектируемого словаря и его основными задачами в структуру словарной статьи включаются следующие информационные блоки.

1. **Заголовочная единица** – фамилия, которая приводится в форме мужского рода именительного падежа единственного числа.

2. **Блок историко-региональной информации** открывается иллюстративным примером бытования фамилии в документах Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в.⁸. В данный блок словарной статьи включаются также сведения о более ранней фиксации фамилии и ее основы в других регионах Российского государства (по материалам изданных антропонимических словарей).

3. **Этимологический блок информации** словарной статьи включает одну или несколько гипотез о характере основы фамилии и ее ближайшей семантической реконструкции. Посредством справки об этимологии фамильной основы в словарную статью вводится лингвокультурная информация, отраженная на денотативном уровне апеллятива, к которому восходит описываемая фамилия, а также на уровне лексических коннотаций, сопровождающих данный апеллятив и отраженных в словарях.

4. **Лингвокультурологический блок информации** включает выводы о продуктивности, значимости, гипотетических причинах использования лексики с тем или иным значением в фамильной номинации, связанных с ценностными ориентирами русской языковой картины мира, мифопоэтическими значениями того или иного предмета или явления в народной культуре, к названиям которых восходят фамильные основы.

В параграфе 3.5 представлены образцы словарных статей русских фамилий Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в.

Пример словарной статьи

Волков *Данило Григорьев Волков, д. Елуниной Боровлянской слободы, 1795 г.* (Д. 818, л. 82). Факты более ранней фиксации фамилии и ее основы: в XV в., в том числе, во Владимире и Рязани (Н.М. Тупиков, 1903; С.Б. Веселовский, 1974; М.А.

⁸ Иллюстративный материал, как и фамилия, вынесенная в заголовок словарной статьи, представлены в аутентичной орфографии памятников официально-деловой письменности конца XVIII в.

Короткевич, 2009), в 1519–1667 гг. в Карелии (И.А. Кюршунова, 2010), в 1579 г. в Приуралье (Е.Н. Полякова, 1997), в 1630–1710 гг. в Зауралье (Н.Н. Парфенова, 2005), в 1652 г. в Вологде (Ю.И. Чайкина, 1995), в 1680 г. на Урале (А.Г. Мосин, 2000), в 1777 г. в Каргополе Архангельском (В.Ф. Житников, 1997).

Основа фамилии восходит к апеллятиву *волк* – «хищный зверь песьего рода, положительными признаками едва отличаеваемый от собаки, *Canis Lupus*» (Даль 2002, 1, с. 242–243). Фамильная основа могла представлять собой характеризующее, образно мотивированное прозвище, возникшее на основе переносных значений слова, включающих сему «человек», например: *волк* – «противник христианского учения, еретик» (с XII в.) (СРЯ XI–XVII вв., 2, с. 314); «человек угрюмый, нелюдим, волчистый»; «ненадежный, который в лес глядит» (Даль 2002, 1, с. 242–243); «дружка на свадьбе» (Пск., 1898 г.); «прозвище крестьянина, незаконно вырубавшего лес» (Калуж., 1898 г.) (СРНГ, 5, с. 40). В основу наименования также могли лечь некоторые внешние признаки, маркирующие волка, – цвет шерсти, слепота, хромота, негнущаяся хребтовая кость и т.д. (А.В. Гура, 1997), а также обыденные представления о волке как олицетворении ненадежности, кровожадности, угрюмости. Ср. представления о волке, отразившиеся в фольклоре: *Он волком глядит, ненадежен; Смотрит, как волк на теля; Хоть волком выть* и др. (Даль 2002, 1, с. 242–243). Однако фамильная основа могла представлять собой и некалендарное личное имя *Волк*, имеющее аналоги в традиционных именниках многих народов, ср. немецкое *Вольф*, сербское *Вук*, тюркское *Бюрю* и др. (В.А. Никонов, 1993).

Использование «зооморфной» лексики отличается высокой продуктивностью в антропонимической номинации. Возможно, данная традиция восходит к ранним племенным верованиям, по которым имя рода и его отдельных представителей восходило к имени тотема – родового божества (В.Н. Топоров, 1980), например животного, с которым все члены рода считали себя связанными тесными узами и в происхождение от которого верили. Образ волка как центрального и наиболее мифологизированного персонажа народной традиции характеризуется широким кругом разнообразных значений (брачная символика, его связь с подземным миром, пограничными ситуациями и др.). Амбивалентность образа волка могла служить основанием

для использования его имени в качестве оберега в семье, где умирали дети. Имя давалось также, чтобы сын был здоровым, сильным, как волк, особенно в случае рождения слабого и больного ребенка (А.В. Гура, 1997).

В заключении подводятся итоги исследования.

Рассматриваемые русские фамилии Кольвано-Воскресенского горного округа конца XVIII в. отражают черты русской языковой картины мира. Свойства данной модели действительности, выявленные с помощью этимологического анализа и полевого метода, являются основными причинами активного использования той или иной семантической сферы по отношению к номинации человека. Это комплекс принятых этических и эстетических норм жизни, особенности общественной структуры, специфика миграционных процессов, семейно-родовой уклад, бытовые привычки, профессиональный интерес и др. элементы русской языковой картины мира, указывающие на ее антропоцентрический характер. В качестве дополнительных причин предпочтений определенных групп лексики в антропонимической номинации могут выступать глубинные мотивы сближения человека с тем или иным понятием или образом, отражающие мифопоэтические черты реконструированной модели мира. Объемно отразить экстралингвистический потенциал русских фамилий в словаре позволяет особая структура словарной статьи, представляющая социокультурный фон бытования фамилии, сведения о материальной, социальной, духовной культуре народа, зафиксированные на уровне денотативных и коннотативных компонентов семантики апеллятива, к которому восходит фамилия.

Перспективным видится расширение эмпирической базы исследования за счет привлечения материала, бытовавшего на всей территории Кольвано-Воскресенского горного округа, а также диахроническое исследование фамилий конца XVIII в. на фоне более поздних фамилий региона с целью прослеживания динамики изменений или выявления причин консервативности отраженной в них модели действительности.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях

В научных изданиях, включенных в реестр Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ:

1. Рыгалина, М.Г. Образные модели номинации (на материале русских фамилий жителей Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в.) / М.Г. Рыгалина // Известия Алтайского государственного университета. – Сер. «Педагогика и психология. Право. Филология и искусствоведение. Философия, социология и культурология. Экономика» – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. – 2 / 1 (74). – С. 148 – 152. – 0,5 п.л.

2. Рыгалина, М.Г. Принципы организации «Лингвокультурологического словаря русских фамилий жителей Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в.» / М.Г. Рыгалина // Филология и человек. – 2013. – № 2. – С. 151 – 158. – 0,39 п.л.

В других научных изданиях:

3. Рыгалина, М.Г. Национальная мифопоэтика имени собственного (на материале русских фамилий жителей Алтайского края XVIII века) / М.Г. Рыгалина // Художественный текст: варианты интерпретации : труды X Межвузовской научно-практической конференции (Бийск, 16–17 мая 2005 г.) : в 2-х частях. – Ч. 2. – Бийск : РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2005. – С. 95 – 97. – 0,1 п.л.

4. Рыгалина, М.Г. Зооморфизмы в антропонимии (на материале русских фамилий Колыванской губернии XVIII века) / М.Г. Рыгалина // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета : материалы XXX научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. – Вып. 3. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 261 – 265. – 0,22 п.л.

5. Рыгалина, М.Г. К реконструкции мифологического образа Велеса (на материале русских фамилий Алтайского края XVIII века) / М.Г. Рыгалина // Антропоцентрическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 14 октября 2005 г. Стерлитамакская государственная педагогическая академия (Республика Башкортостан)

стан) / Отв. ред. Н.В. Пятаева : в 2-х т. – Стерлитамак : СГПА, 2006. – Т. 2. – С. 66 – 68. – 0,23 п.л.

6. Рыгалина, М.Г. Официально-деловая письменность как источник лингвокультурологической информации (на материале русских фамилий Колыванской губернии XVIII века) / М.Г. Рыгалина // Алтайский текст в русской культуре : сборник статей. – Вып. 3 / под ред. Т.Г. Черняевой, Н.В. Халиной. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 115 – 121. – 0,4 п.л.

7. Рыгалина, М.Г. Русский человек в зеркале его фамилий (к моделированию русской языковой картины мира) / М.Г. Рыгалина // Филология и культура : сборник статей. – Вып. 3 / под ред. Л.М. Дмитриевой, А.И. Куляпина. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 31 – 36. – 0,3 п.л.

8. Рыгалина, М.Г. Русское прозвищное имя: этнокультурное и универсальное (на материале официально-деловой письменности Колыванской губернии XVIII века) / М.Г. Рыгалина // Язык, литература и культура в региональном пространстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти проф. И.А. Воробьевой. Барнаул, 3–7 октября 2007 г. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 203 – 207. – 0,25 п.л.

9. Рыгалина, М.Г. Комплексное исследование русских фамилий Колыванской губернии конца XVIII в. / М.Г. Рыгалина // Язык, литература и культура в региональном пространстве : материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.А. Воробьевой. Барнаул, 6–9 октября 2010 г. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 279 – 284. – 0,3 п.л.

10. Рыгалина, М.Г. Внешний вид человека: оценки и ценности (на материале русских фамилий Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в.) / М.Г. Рыгалина // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. – Ч. 2 / [ред. кол.: Е.Л. Березович (отв. ред.) и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 89 – 90. – 0,1 п.л.

11. Рыгалина, М.Г. Русские фамилии с диалектными основами (на материале официально-деловой письменности Колывано-Воскресенского горного округа к.

XVIII в.) / М.Г. Рыгалина // Актуальные проблемы русской диалектологии : тезисы докладов Международной конференции 27–28 октября 2012 г. – М. : Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012. – С. 142 – 143. – 0,08 п.л.

12. Рыгалина, М.Г. Человек «профессиональный» в зеркале русских фамилий (на материале официально-деловой письменности Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в.) / М.Г. Рыгалина // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XXXIX научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Вып. 9. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – С. 217 – 219. – 0,25 п.л.

13. Рыгалина, М.Г. О методе экспликации историко-культурной информации в антропонимике (на материале русских фамилий Колывано-Воскресенского горного округа конца XVIII в.) / М.Г. Рыгалина // Филология и культура в межрегиональном пространстве : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти проф. И.А. Воробьевой. – Барнаул, 15–17 мая 2013 г. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – С. 276 – 279. – 0,18 п.л.